

К читателю

Когда на русском языке выходят любимые книги, кажется, что в гости приехал тот, кого ты давно ждал, но никогда не видел в собственном интерьере. И вот он сидит, пьёт чай и словно приносит с собой в подарок весь свой мир, с которым ты всегда его соотносил. И это, конечно, большое счастье.

Перед нами не просто интеллектуальная биография Вальтера Беньямина (таковых за последнее время на разных языках написано великое множество) и не только рассказ о том, как Гершом Шолем хотел сделать Беньямина Шолемом, а Беньямин остался самим собой. Это вполне педантичный рассказ друга, оказавшегося великим учёным, о друге, который стал великим философом. Собранный по частям и упорядоченный хронологически дневник, который вместе с автором вело само время.

Стоит, наверное, сразу сказать, что Шолем не был иудейским Эккерманом — перед нами не «просто» дотошный летописец или экзальтированный душеприказчик. Беньямин общался с человеком, разработавшим собственную метафизику языка, размышлявшим над своей версией политической теологии, наконец, открывшим гуманитарной мысли прошлого века совершенно новую для неё область — еврейскую мистику. Беньямин стал соучастником интеллектуального становления Шолема и, конечно, не написал бы того, что написал, не будь этой дружбы — впрочем, вполне объяснимой неизменным интересом Беньямина к еврейской культуре, и традиционной, и актуальной.

Свидетельства Шолема — важная часть той работы по восстановлению справедливости, которой он занялся после войны. Между гибелью Беньямина и выходом в свет его первого собрания сочинений прошло пятнадцать лет, и ещё двадцать понадобилось, чтобы осознать значимость его наследия для философии и литературы. Шолем вместе с Адорно выпускает двухтомник писем Беньямина, пишет статьи о нём (одна из самых известных, «Вальтер Беньямин и его ангел», есть и по-русски), наконец, участвует в работе над первым и на сегодняшний день единственным полным изданием его текстов. Но у него было много причин сделать больше, и срок на это был ему отпущен.

В известном смысле, книга не стала сенсацией: жизнь и личность Беньямина, даже став предметом посмертной рационализации, остались столь же непрístupными и энигматическими, как и его тексты; Шолем просто ещё раз сообщает нам об этом. Но ему, как мне кажется, удалось вспомнить главное: ситуацию интенсивности мысли, не воспроизводимую в обычном отчёте о неудавшихся диссертациях, публикациях, манускриптах, написанных в стол, или околотекстурных распрах. Философия тут становится историческим событием, и не остаётся ничего важнее. Беньямин умел увидеть интригу в жизни почтовых марок, а Шолем умеет (а может быть, и не умеет, а само так получается?) сделать драматичным и насытить событиями общение умов. Бывший в плане историческом, в общем, одиноким мыслителем, Беньямин в жизни был окружён замечательными людьми — кроме Шолема это были Адорно, Брехт, Блох. Их непонимание было подчас важнее солидарности, а разговоры с ними — началом или продолжением написанного. Книга даёт нам редкую возможность стать свидетелями этой реальной, но, как ни странно, трудно представимой непрерывности между текстом и его обстоятельствами.

Вот почему так интересны эти сводки с интеллектуального фронта, документы, по которым получается, что некто прочитал, написал, поспорил, согласился. Конечно, главный их адресат — читатели Беньямина, нынешние и будущие. Во «время теперь», когда его тексты стали фактом русского языка, такие документы, вместе с фигурами мысли сообщающие и о фигуре автора, попадают как нельзя кстати. Трудно, правда, сказать, с чего лучше начинать — при всей ясности стиля Шолем всё же пишет для интересующихся. Однако и в целом — кто следит за движением эпох, тот оценит в этой книге наблюдения прелюбопытнейшие и, в частности, зарисовки из жизни еврейской интеллигенции Веймарской Германии, людей, которые были подчас большими немцами, чем сами немцы, и без которых немецкая мысль прошлого века не состоялась бы никогда. Беньямин и Шолем были частью этого погибшего, расплывшегося культурного слоя, и именно в таком качестве — незаменимыми агентами времени.

Иван Болдырев